

ПАРАДОКС ОБ АКТЕРЕ

ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНОГО ТАНЦА,
или ВИДЕНИЕ МАРИСА

Вед. Ленинград. — 1990. — 20 июня

...Препарасьон. Антраша сис. Сисон леве. Это — запись хореографических движений, воплощающих траекторию, по которой душа совершает свой полет. Это «Видение розы» К.-М. Вебера, сочиненный М. Фокиным для Русских сезонов в Париже. Околдовав Европу, «Видение» с Вацлавом Нижинским пролетело мимо России, и не исключено, что оно для нас кануло бы в Лету, если бы не художнический подвиг Мариса Лиепы, великого танцовщика, поэта по своему духу. На долгие годы стремление во что бы то ни стало воссоздать эту миниатюру оказалось чуть ли не главной целью его существования. Я думаю, артист предугадывал здесь возможность наиболее полного выражения: душа юноши, парящая в образе розы, — это символ любви, не скованной путами, и символ свободы вообще.

Столетие В. Нижинского Ленинград отмечал без Мариса Лиепы — ему стоила жизни борьба в последние годы за свое место под солнцем Москвы. На смену отцу пришел сын Андрис. Спасаясь от казенных препон в Большом, он решил искать себе пристанища на берегах Невы и явился нам в «Видении розы»...

Где еще, как у нас, умеют не считаться с бриллиантами, выигрывая медяки? И сколько жестокости приберегается именно для поэтов! Может быть, это некий особый способ мстить за дар божий? Новый Лиепа лишь начинает свои па на Марининской сцене — упаси Бог сына от печалей отца.

У каждого, кто знал Мариса, сохранился свой образ этого артиста и человека. На мою долю выпало знать его именно печальным. Случай свел нас в 1976 году на Рижском взморье, где он часто отдыхал с близ-

кими. И если Марис тотчас догадался, что я — мальчик из блокады, то, наверное, потому, что сам он — мальчик... из фашистской оккупации! Эту маленькую подробность его судьбы не принимали во внимание ни друзья, ни тем паче соперники по искусству. Но рана на сердце не заживала никогда, даже в годы триумфов и славы: диктатор Крассе из «Спартака», рыцарь Жан де Брнен из «Раймонды», Хозе из «Кармен-сюиты» торжествовали и страдали этим раненым сердцем.

Нашу дружбу, состоявшую из кратких встреч то в Ленинграде, то в Риге, то в Юрмале, мы никогда не афишировали, скорее наоборот, и не потому ли нам удалось сохранить ее безмятежной? Правда, однажды Марис, опечаленный очередной московской перипетией, объяс-

нил безмятежность нашей дружбы весьма прозаично: «Нам с тобой нечего делить, а когда борешься, приходится оскалывать зубы...» Именно в ту пору, убегая от столичного дележа в балете, лауреат парижской премии В. Нижинского начинает метаться в поисках возможностей самосохранения — пытается снова прижиться на родине, в Риге, едет в Днепропетровск ставить «Дон-Кихота», ищет пристанища на берегах Невы...

Дебют Мариса в партии Рогожина («Иднот» в труппе Б. Эйфмана) стал событием, и мы снова, как в эпоху Галины Улановой, принялись горячо спорить о вторжении литературных образов в мир балета. Любовь к России жила в душе Мариса, и он не упускал ни одной возможности постичь Россию подлиннее.

Помнится, как мы сидели в «Астории», готовя интервью для «Смены» и «Вечернего Ленинграда». Чередуюсь, мы целыми страницами читали вслух Достоевского и Пушкина. Русская речь Мариса была чище и выразительнее, чем у иных носителей русского языка. Как раз в те белые ночи мы и задумали наше выступление в цикле «Диалоги о классике», который я несколько сезонов вел в Доме ученых АН СССР. Нам хотелось по-своему проследить связь между русской литературной классикой и ее хореографическими воплощениями. Но обстоятельства неоднократно вынуждали Мариса просить отсрочки: он построил новую семью, а постройка тотчас начала рушиться, он приехал в Ленинград сниматься в новом фильме, а надежды на киноуспех обернулись мифом, он взялся создавать свой театр, и тогда сердце окончательно отказало ему в сотрудничестве.

Берусь утверждать, что, живя и работая долгие годы в Москве, Марис так и не стал москвичом. Его душа все больше стремилась в санкт-петербургские края, хотя, конечно же, его истинным домом всегда оставался двухэтажный особняк в центре Риги, где живет обожаемая сестра Эдита, где ждал дружище слепой пудель, где с самого порога — розы...

...Сисон в атитюд. Сисон в арабеск. Атитюд круазе. Это тоже запись хореографических движений, воплощающих полет души. Это мазурка из «Шопенианы». Балетмейстер М. Фокин признавался, что сочинял эту миниатюру для танцовщика, способного реять, как дух, и для Мариса Лиепы.

В тот весенний день 1989 года, когда последней нотой отзывало его сердце, из-под моего пера сами собой — мистика? — вышли стихи «Полустанок бытия»:

Смириться с мыслью,
что Земля —
всего лишь полустанок для
души, одетой в форму плоти.
Смириться с мыслью,
что душа,
потом продолжит, не греша,
вне плоти бытие в полете.

Юрий ОРОХОВАЦКИЙ